

ВЕНГЕРСКАЯ
РАПСОДИЯ

18+

СЕКРЕТНАЯ БИБЛИОТЕКА

**Кэй Джейби
Джастин Элиот
Шарлотта Штейн
Венгерская рапсодия**

*текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6893854
Джастин Элиот. Венгерская рапсодия: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71630-2*

Аннотация

«Венгерская рапсодия» – сборник лучших эротических новелл. В книге собраны чувственные, невероятно увлекательные истории о страсти, любви, запретах и желаниях.

Новелла «Венгерская рапсодия»

Руби не знала, чего ожидать от поездки в Будапешт, но обнаружить незнакомого мужчину в своей постели однажды утром она точно не планировала. С этого момента в романтическом венгерском городе начинается ее необычная любовная история...

Новелла «Скованность»

Арти и Мэл ненавидят друг друга, но едут в отпуск вместе в небольшой компании друзей. Вероятно, это будет самый отвратительный отдых в их жизни, а возможно, за ненавистью стоят совсем другие чувства...

Новелла «В щекотливой ситуации»

Салли – успешный менеджер фармацевтической компании, однако в жизни она крайне неуклюжа и неповоротлива. Это раздражает ее нового начальника Джеймса, но он злится еще больше, когда понимает, что Салли невероятно сексуальна, и мысли о ней не выходят из его головы.

Содержание

Джастин Элиот	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джастин Элиот Венгерская рапсодия (Сборник)

Джастин Элиот Венгерская рапсодия

Глава 1

В первую же ночь в Будапеште, проснувшись, я обнаружила незнакомого мужчину в своей постели.

Решение приехать сюда было принято поспешно, и мне не хватило времени побольше узнать о городе, поэтому я плохо представляла, чего ждать, однако сейчас была почти уверена, что в любом случае это ненормально. У меня были кое-какие представления о гуляше, цыганах-скрипачах и потрясающей архитектуре XIX века, а вот о незнакомых мужиках в своей постели – почти никаких.

В лучах зари, пробивавшихся через неплотно закрытые ставни, я, аккуратно повернувшись, чтобы не разбудить мужчину, попыталась рассмотреть его лицо и тело. Судя по изгибам одеяла и торчащим из-под него ступням, он был высокого роста и хорошо сложен. Во сне его лицо казалось спокойным и трогательным, но мне представлялось, что обычно оно высокомерное и даже жестокое, хотя, возможно, это были мои предрассудки относительно мужчин с большими усами. В моем воображении к таким усам непременно прилагался штык. Пухлые губы под этими зарослями присвистывали при выдохе. У него были длинные ресницы и густые темные волосы. Как и большинство венгров, встретившихся мне по дороге из аэропорта, этот был красавчиком.

Но какого черта он здесь делает?

Исключительно осторожно я попыталась отодвинуться от него. Левой пяткой я касалась края матраса, пальцы сгибались в сторону пола. Как раз в тот момент, когда я старалась отодвинуть от него свои бедра, он обрушил мне на грудь свою огромную ручищу. Она оказалась такой тяжелой, что пришлось отказаться от тщетных попыток тихо выйти из этой щекотливой ситуации и закричать.

Он хрюкнул и пробормотал что-то совершенно невразумительное, после чего его веки поднялись; я приложила максимальные усилия, чтобы выбраться, но эта рука была просто смертельно тяжелая, так что пришлось с силой ударить его в голень и попытаться укусить.

Он проснулся.

За этим последовал момент настоящего кошмара, я была уверена, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, он уставился на меня, в его взгляде читался тот же шок и ужас, что и в моем, это странным образом успокаивало.

Он вскочил и ткнул в меня указательным пальцем.

Не знаю, что он говорил, поскольку не понимаю по-венгерски, и, мало того, я была слишком занята, выпрыгивая из кровати, пятясь вдоль стены и изо всех сил сдерживая вызванные паникой рвотные позывы.

Он снова заговорил, поднимаясь на колени, так что простыни скрывали его по пояс, выставляя обнаженную грудь и золотые цепи на шее. У него и правда было спортивное тело. Жаль, что он, вероятно, чокнутый маньяк, охотящийся за одинокими женщинами в их будапештских постелях.

На этот раз я поняла одно слово – «Джоди».

– Джоди! – повторила я и закивала. – Она уехала.

– Ты понимаешь по-английски?

Я кивнула.

– Джоди уехала? Что ты имеешь в виду?

– Она уехала на озеро Балатон, на месяц. Вы знаете ее?

– На озеро Балатон? С кем?

– Я не знаю. Встретила какого-то парня. Простите. Вы ее... бойфренд или вроде того?

– Кто я? Кто, черт возьми, ты такая?

– Я первая спросила. И думаю, я имею право знать, что незнакомые мужчины делают в моей постели.

– Это моя квартира – ты и отвечай.

Я опешила, даже на секунду рот раскрыла от удивления. *Его* квартира? Тут я вспомнила про записку, которую Джоди оставила на столе. «Ты всегда сможешь договориться с хозяином квартиры, если будешь с ним помягче. На первый взгляд он немного суров, но в душе милашка». Как же она его назвала? Она написала мне его имя, но я не запомнила, оно было странным, и я понятия не имела, как оно произносится.

– Так значит, вы... – блин, как же его звали... – Jánosh? (Я произнесла его как Джэй-носс.)

Он фыркнул и покачал головой.

– Я-нош, – поправил он. – Да, а ты?

– Руби, я подруга Джоди, она сказала, что не будет проблем...

Он вернулся в постель и накрылся простынями по самый подбородок, его нижняя губа торчала как у обиженного ребенка.

– Она ничего мне не сказала. Она непорядочный человек.

Ну что ж, мне было понятно, из чего он мог сделать такой вывод. Дома репутация Джоди вполне подходила для желтой прессы, но с ней никогда не было скучно.

– Вы с ней были... – но я тактично умолкла и отошла к двери спальни. Не очень хотелось мне быть свидетелем приступов отвергнутой страсти, не в полшестого утра.

– Ничего не было, – пробормотал он. – Мы друзья, и все.

– Друзья с привилегиями, – уточнила я, приподняв бровь.

– Я не понимаю, – он на секунду сжал губы, потом наклонил голову набок и внимательно посмотрел на меня. Под пронзительным рентгеновским взглядом его светлых голубых глаз я почувствовала, что он рассматривал меня сквозь пижаму.

– Итак, Руби, – сказал он. – Ты хочешь остаться здесь?

– Собиралась.

Он встал, завернувшись в одеяло. Я сделала шаг назад, когда этот обедневший император промчался мимо меня и сквозь дверь в спальню – на маленькую кухню, выходящую в гостиную.

Пока я терла глаза в дверном проеме, он достал из серванта полупустую бутылку и два бокала.

– Вот, – сказал он с повелительным жестом. – Выпей со мной.

Я не знала, что было в бутылке, но выглядело явно не как мой утренний апельсиновый сок.

– В столь ранний час? – возразила я.

– А почему нет? Давай.

– Секундочку.

Я закрыла дверь, включила свет в спальне и посмотрела на свое отражение в зеркале на комод. Что происходит? Что в самом деле происходит? И будет ли это продолжаться, пока мои волосы торчат, как иглы у наэлектризованного динозавра?

Я пару раз провела по ним расческой, наскоро умылась, почистила зубы в крошечной смежной ванной и переступила порог, навстречу чему угодно, ожидавшему меня в той комнате с тем мужчиной.

Я села на диван как можно дальше от него, взяла бокал со светло-оранжевой жидкостью и попыталась идентифицировать ее по запаху. Пахло горелыми фруктами.

– Что это?

– Палинка, – ответил он. – Я думаю, абрикос, может, слива. Пей, это вкусно. Я рад приветствовать тебя в Венгрии.

– Правда?

– Да.

Он поднял бокал, опрокинул палинку и с наслаждением вздохнул, когда жидкость разлилась по организму.

– Так ты не злишься?

– Выпей.

Я сделала маленький глоток. Сначала мне обожгло губы, потом язык. От второго глотка я почувствовала жар в легких и желудке.

– Уау, – сказала я.

Он посмеялся.

– Допей.

Повторяя за ним, я отправила оставшееся содержимое бокала в пищевод и почувствовала, что мое лицо горит, а на глазах выступили слезы, пока оно делало свою подлую работу.

– Неплохо, а? – улыбался он широко и одобрительно, вытягивая руку на спинке дивана, так что его пальцы опасно покачивались вблизи моего плеча.

– И правда хороша. Хотя от добавки я бы отказалась.

– А я бы нет, – он налил себе еще, выпил и снова обратился ко мне: – Джоди – твоя подруга?

– Моя двоюродная сестра. Она сказала, что квартира будет пустовать месяц, и спросила, не хочу ли я тут пожить.

– Так, значит, она планировала это путешествие на Балатон, – задумчиво проговорил он. – Всего два дня назад мы были в постели вместе, – он покачал головой, его взгляд казался затуманенным.

– Она тебе так приглянулась?

– Приглянулась?

– Она тебе очень нравится?

– А, нет, не очень. Знаешь, она человек с переменчивым настроением.

Я засмеялась.

– Да, знаю.

– Но... – он поднял руки, рисуя в воздухе привлекательный женский силуэт.

– ...она горячая штучка, – перевела я, хотя в этом не было нужды.

Он секунду молча пристально смотрел на меня, пока мне не стало неловко, потом взял бутылку палинки, делая вид, что его невероятно заинтересовала этикетка.

– Она обычная, – его голос стал чуть ниже. – Ты привлекательнее, чем она.

Я моргнула, не веря тому, что этот мужчина начал заигрывать со мной всего через пару минут после того, как Джоди разбила ему сердце.

– Спасибо. И спасибо за напиток, но знаешь, уже становится поздно, а я очень рассчитывала еще немного поспать...

– Ты хочешь обратно в постель? – его голос стал совсем низким.

Я задрожала. Его пальцы стали гладить меня по плечу, и я отскочила.

– Одна! – закричала я. – Обратно в постель одна!

Он вздохнул и скрестил руки за головой.

– Что не так? Ты не считаешь меня привлекательным?

– Нет, я имею в виду, что, конечно, ты не плох, но я не ищу мужчину.

– Ты лесбиянка?

– Нет.

– Ты не любишь секс?

– Да ради бога! Не в этом дело, просто я хочу спать одна.

– А, ты устала.

– Да! В точку! Именно так, я устала.

– ОК, понимаю, – он поднялся, складывая лежавшее рядом одеяло. – Я тоже устал.

Пойдем спать.

Я отскочила, недоумевая, как объяснить этому человеку, что я не хочу делить с ним постель.

– Ты хочешь сказать... что идешь в мою постель?

– Это моя постель, – поправил он.

– Да, но... я просто...

Все, что я могла сделать, – это невнятно что-то лепетать, пока он смотрел на меня, подняв бровь.

– У Istenem, ты боишься меня? Ладно. Я сплю здесь.

Я с некоторым недоверием посмотрела на диван, который не казался достаточно большим, чтобы вместить его в полный рост, но он просто указал мне на дверь спальни рукой, на которой висело одеяло, и скомандовал:

– Иди!

Казалось, иного выхода, кроме как подчиниться, у меня не было.

Через два с половиной часа я проснулась от запаха еды и звяканья сковородок. Моей памяти потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить события последних часов.

Этот мужчина все еще здесь.

Я закрылась в крошечной ванной и стояла под душем столько, сколько, по моим расчетам, ему бы потребовалось, чтобы уйти, вспоминая нашу утреннюю встречу, пока втирала шампунь в голову. Просто поразительная наглость! Он уже подумал, что я готова занять место Джоди и в квартире, и в постели. «Мерзкий тип, – бормотала я про себя. – Так бес-пардонно!» Я вспомнила строчку из письма Джоди: *«Если 15 венгров не попытались накинуться на тебя за час до посадки, проверь, все ли с тобой в норме»*. Я фыркнула, смывая пену с глаз. *«Если ты хочешь, чтобы мужик раз и навсегда оставил тебя в покое, скажи ему, что ты беременна от Чака Норриса. Мягкость не сработает»*. Я подумала о недоверии Яноша к моему нежеланию прыгать в его койку и снова фыркнула.

К тому времени как я вышла из душа и оделась, аромат с кухни был уж слишком соблазнительным, чтобы устоять, и предвкушение холестерина увлекло меня в другую комнату. Янош, стоя ко мне спиной, взбивал яйца в небольшом сотейнике. Не знаю, когда он успел забрать одежду, вероятно, он потихоньку заходил в комнату, пока я спала, фу, – но он был лишь наполовину одет, на нем были джинсы, ремень и больше ничего. Он не услышал, как я вошла, поэтому я быстренько оценила его вид сзади: изгибающиеся лопатки и рельефные мышцы спины. У него была татуировка – какая-то птица – на ключице, как раз там, где заканчивались волосы. Как я ни старалась не смотреть на его задницу, это не помогло. Ей явно было тесно в этих джинсах, и этот вид стоило запомнить и воскресить в памяти в более подходящий момент.

Он поднял сотейник и выложил омлет сначала на одну тарелку, потом – на другую, так что он лег вдоль чего-то, что там уже лежало.

Не оборачиваясь, он спросил:

– Тебе нравится то, что ты видишь?

Я сдержала тревожный вскрик, вызванный тем, что меня заметили, и попробовала вновь взять контроль над ситуацией:

– Омлет? Да, мило.

– Не омлет, – сказал он. – Ты рассматривала мою задницу, нравится?

– Я не... ничего такого, – возразила я, но прозвучало это уж слишком неубедительно, чтобы продолжать – вместо этого я робко подошла к столешнице и уставилась на тарелку.

– Что это?

– Лечо, – ответил он, но я не была таким уж знатоком, так что он пояснил: – Мы любим на завтрак. Лук, перец, помидоры, готовятся с сахаром, солью и паприкой, пока не станут мягкими. Потом мы добавляем яйца, понятно?

– Пахнет аппетитно.

– Спасибо. Садись. Я принесу кофе.

Как только я села, он поставил мне под нос тарелку и крошечную чашку очень крепкого кофе, а сам сел напротив.

– Полезнее, чем жареное, – сказала я, пробуя еду.

Блюдо оказалось очень вкусным, а повар весьма умелым. Я посмотрела на него: весь взъерошенный, татуированный, мускулистый и красивый. Я преждевременно выпихнула его из кровати. Как на меня не похоже. Я напомнила себе, что он заносчивый и высокомерный. И что же еще? Ах, да, я же в депрессии из-за неудачного романа. Ну, отлично. *Держись от него подальше, Руби.*

– Полезно, – сказал он, не спеша пережевывая. – Нетипичная венгерская еда. Много жира.

– Но у тебя нет ни грамма жира, – не сдержалась я.

– Грамма? – Но он меня понял, о чем свидетельствовала его дьявольская ухмылка.

– Ты не выглядишь толстым, – пробормотала я.

– Спасибо, – он отпил кофе. – Тебе нравится мое тело?

Я готова была прыгнуть прямо в его объятия, это было очевидно.

– Я имела в виду, что ты выглядишь здоровым.

Он наклонился ко мне, опершись на локоть, опустил голову, глядя прямо в глаза.

– Я здоров, – сказал он. – Ты здорова. Мы можем быть здоровыми вдвоем.

Не знаю, что он хотел сказать, но прозвучало это вульгарно. Я догадывалась, что он меня не в свой тренажерный зал приглашает.

– Ну... я приехала сюда, чтобы побыть одной, – произнесла я в надежде, что для него это прозвучит более убедительно, чем для меня. – Подумать.

Он убрал руку со стола, и я застыла, не в силах пошевелиться, пока он убирал мокрый локон с моего лба. Я не смогла высушить волосы феном, потому что забыла, что в Венгрии другие розетки.

– Твои глаза... они грустные, – сказал он, – у тебя грустные мысли.

– Со мной все в порядке, – в моем голосе слышалась напряженность. – Просто хочу побыть одна.

К моему ужасу еда, которую я только что проглотила, застряла в горле, и на глазах выступили слезы.

– Ну вот... – Янош в один миг встал, обошел стол, наклонился ко мне, глядя меня по плечу и прижимая мое лицо к своей шее. – Ну.

Он излучал тепло и состояние защищенности, чувствуя его кожу с редкими волосками, я погружалась в странное убаюкивающее спокойствие. Я выдавила из себя дурацкие слезы, позволила обнимать себя еще немного, прежде чем пробормотала:

– Я в порядке, – уткнувшись в его шею.

– У меня лечо получается не так же здорово, как у моей матери, но разве так плохо? Я издала звук, похожий то ли на смех, то ли на вздох.

– Нет, хорошо.

– Как и я. Я очень хороший человек. Я не позволяю грусти находиться в моей квартире, поэтому ты должна быть веселой, так? Как говорит Джоди, выше-нос-этого-может-никогда-не-случиться.

У него это прозвучало как мантра, а я не удержалась от смешка, услышав эти слова, произнесенные с темным, дракуловским акцентом.

Я посмотрела в его глаза.

– Ты милый, но я уже в порядке. Со мной все будет хорошо.

Он не убирал руку с моего плеча.

– Я не знаю. Ты скажешь своему другу Яношу, почему ты грустная?

– Нет, – улыбнулась я.

Он пожал плечами, снова выпрямился, похлопывая меня по плечу.

– Таинственная Руби, – сказал он, подходя к двустворчатому, доходящему до пола окну и резко открывая его, чтобы выйти на маленький балкон. – Прекрасный день, это день для бассейна.

По-моему, этот прекрасный день подходил для того, чтобы уставиться в небо и привести мысли в порядок, но я промолчала.

– Что ты думаешь, Руби? Ты пойдешь в бассейн со мной? Или хочешь, чтобы я показал тебе достопримечательности Будапешта? Сколько ты тут пробудешь?

– Сколько потребуется, – отозвалась я. – К тому же, разве это не от тебя зависит? Это же твоя квартира.

Он обернулся. Его силуэт предстал на фоне раннего утра, голубого неба и золотого солнца.

– Оставайся столько, сколько ты будешь счастливой. У меня одно условие.

– Какое? – я уже ждала сексуального шантажа.

– Ты пойдешь со мной к бассейну сегодня. Тебе нужно почувствовать солнце.

Я снова наклонилась к столу, чтобы это обдумать: если я не пойду с ним к бассейну, я просто прохандрю весь день, размышляя и непрестанно прокручивая в памяти происходящее. Кроме того, я вынуждена была признать, что побаивалась проводить время в незнакомом городе, ни слова не зная на местном языке. Его компания мне пришлась бы очень кстати: он мог бы научить меня некоторым базовым фразам и научить передвигаться по городу.

– Ладно, согласна.

– Отлично, – он провел тыльной стороной ладони по густым волосам и улыбнулся, отчего его усы приподнялись. – Собирайся и пошли.

В желтом трамвае, петлявшем по изящным улочкам, издавая резкие звуки, я расспрашивала Яноша о его жизни.

– У меня есть недвижимое имущество, – рассказывал он. – Я не раз начинал свое дело, но в Венгрии плохая экономика, понимаешь?

– Слышала. А чем ты занимался?

– Я открыл бар, но прогорел. Потом ресторан. Сейчас обдумываю новые идеи, хорошие идеи, но в этом городе так много правил и возни с бумагами! Я хочу построить что-то новое, сделать что-то полезное для Будапешта.

– Будапешт очень красив, – сказала я, глядя в окно на бульвары, напоминающие парижские, и на грандиозную архитектуру. – Ты всегда жил здесь?

– Ну да, я больше нигде не жил. А ты из Лондона, как и Джоди?

– Из окрестностей.

– И сбежала в Будапешт.

Я поджала губы. Он угадал, но не имел права знать. Меня спас трамвайный гудок, мы подъезжали к воротам просторного и пышного зеленого парка.

– Бассейн в парке? – спросила я, следуя за Яношем по этому зеленому оазису. – Это открытый бассейн?

– И крытый и открытый, это спа. Вода всегда теплая, люди приходят туда, даже когда снег лежит.

– Звучит отлично! В Англии не так много открытых бассейнов.

– В Венгрии они повсюду, – он улыбнулся мне и указал на здание справа от нас, похожее на детский вариант волшебного замка желтого цвета.

– Это там.

– Не может быть! Это бассейн?

– Подойди и увидишь.

Глава 2

Он заплатил за нас, потом мы расстались, чтобы переодеться, и растворились в сказочном замке, который внутри оказался зловеще темным и старым.

Мы встретились на террасе снаружи, перед тремя просторными бассейнами великолепного сине-зеленого цвета; в этот ранний час в них уже кто-то плавал. Мне стоило невероятных усилий не уставиться на содержимое его плавок, их продолжали две длинные загорелые спортивные ноги, а его широкая грудь, которую мне уже доводилось видеть раньше, манила меня, как ребенка конфетка. Я самоотверженно не опускала взгляд ниже линии его плеч, пока он ходил взад-вперед, хотя скорее вышагивал, нежели прогуливался: походка от бедра, призванная заставить меня потерять контроль и опустить взгляд.

– Хочешь поплавать? – спросил он, подходя ближе.

Мне почему-то послышалась пошлость, и я уставилась на него с открытым ртом, пока не осознала, что это подсознание играет со мной злую шутку. Потом захихикала, как идиотка, и ответила:

– Ну... да.

Мы подошли к бассейну. Вода была как в теплой ванной, приятной, с соленым ароматом, заставляющим вспомнить о море. В центре пенилось огромное спа – его облепили старики, прислонявшие к нему больные конечности.

– Пойдем в большой бассейн, я тебя обгоню.

– Ну, пловец из меня – не очень.

– Тогда дам тебе фору, давай, я считаю до 30 и ныряю.

Водные заплывы наперегонки и резвые игры заняли у нас час. Я прекрасно проводила время и настолько абстрагировалась от всего, что не обращала внимания, когда Янош брызгался, топил меня и пытался схватить за разные части тела, пока я пыталась его обогнать. Его заразительный и беспечный смех наряду с искренним весельем, вызванным подростковой забавой с красивой мужчиной в красивом месте, заставил меня забыть о многих внутренних ограничениях.

Я обнимала его в воде, его нога удерживала мою, пока мы оба извивались, скользя и копошась, а вода ручейками сбегала по лицу. Я старалась выскользнуть из его объятий, кричала и вырывалась, но он был слишком силен. Вдруг я почувствовала, как что-то твердое уперлось в мое бедро. В ту же секунду я похолодела от осознания того, что веду себя неуместно.

– Оставь меня – отстань! – закричала я, потом перестала сопротивляться, давая понять, что игра окончена. – Пожалуйста, перестань.

Он ослабил хватку и наклонился, пытаясь понять по моему лицу, что пошло не так.

– Эй, ты в порядке? Это только игра. Я сделал тебе больно?

– Нет-нет, все в порядке, – но дыхание меня выдавало. Я дышала, как рыба, выброшенная на сушу.

– Так, пойдем в спа, успокоимся.

Спа охладило мой затуманенный разум и ноющее тело, но присутствие Яноша не давало мне забыться в мягких пузырьках, чего я так страстно желала.

– Извини, – сказал он мягко, прислонившись головой к мрамору и расслабляя шею.

– Тебе не за что извиняться, ты ничего плохого не сделал.

– Тогда что случилось? Мы веселились, – он хлопнул в ладоши, – и веселья нет.

– Я на миг потеряла осторожность.

– Почему ты хочешь быть осторожной? Думаешь, ты можешь забеременеть от меня, играя в бассейне?

Я засмеялась неожиданно для самой себя.

– Нет, это не смешно. Я пытаюсь доказать тебе, что этого не произойдет, а ты принимаешь меня за убийцу.

Его лицо стало пугающе грозным с выдающейся под усами нижней губой.

– Слушай, прости, я совсем не это имела в виду. Просто на секунду мне показалось, что все выходит из-под контроля.

– А-а-а, я?

– Нет, я. Я потеряла контроль над собой.

Он повернулся и наклонился к самому моему лицу.

– А что, может, в этом есть смысл? – сказал он. – Слишком контролировать себя – это нездорово.

Я прикусила губу и отвела глаза. По-моему, мне уже доводилось слышать это раньше.

– Я думаю, ты должна сказать мне, – продолжал он, – зачем ты приехала в Будапешт.

– Должна? – Его повелительный тон немного рассеял мое мрачное настроение.

– Да, или я сойду с ума из-за непонимания тебя.

– Тебе и не нужно меня понимать! – но я все равно улыбалась.

Его преувеличенное разочарование было так трогательно. И кому станет хуже от того, что я выговорюсь? Да никому. Я глубоко вдохнула, посмотрела на пожилых джентльменов, игравших в шахматы на плавающей доске у края бассейна, потом снова на Яноша:

– Два дня назад был день моей свадьбы.

Янош чуть не выскочил из бассейна, устроив настоящий шторм, чем до ужаса напугал косяк престарелых дам, посмотревших на него с глубочайшим осуждением.

– Ты замужем?

– Нет. Это был день моей свадьбы, но я не решилась.

– Ты стояла у алтаря?

– Я оставила своего жениха стоять у алтаря, – поправила я.

– У Istenem, – он нахмурился и уставился на пузырьки, поднимающиеся от его плавок. – Я думаю, ты объяснишь?

– Да нечего тут объяснять. Я поняла, что... в общем, я должна была сказать об этом раньше. Отменить все заранее. Но, знаешь, с этой свадьбой все так закрутилось.

Я посмотрела на него, чтобы убедиться, что он слушает. Он жестом дал понять, чтобы я продолжала.

– На тебя сразу так много наваливается. Мама с папой взволнованны, его родители приглашают тебя куда только можно, ты с головой уходишь в эту суету... Цветы, платье, свадебный торт, ленточки, меню, музыка... – я замолчала, чтобы отдышаться.

– Я знаю это, – его голос прозвучал мягко. – А твой мужчина... ты его не любишь?

Я беспомощно посмотрела на Яноша. Мне было больно.

– Нет. И не любила. Никогда.

– Тогда зачем ты согласилась выйти за него?

– Потому что на бумаге мы были идеальной парой.

– На бумаге? Ты же не бумажная.

– Я знаю, это звучит глупо, но мы познакомились в университете, выбрали одни и те же предметы, он надежный, заботливый, мягкий, у нас схожие взгляды, мы одинаково смотрим на мир, любим одни и те же шоу, музыку... даже договорились, как назовем детей, еще до свадьбы. Видишь, неправильно было бы не пожениться. Как тут отказать? А если бы я сказала «нет», ждала настоящую любовь, может, я никогда ее и не встретила бы. Что, если бы я упустила шанс прожить хорошую жизнь с хорошим человеком... просто так.

– Ты никогда ни к кому не испытывала чувств? – спросил Янош после паузы. – Возможно, ты не способна. Может, ты бесчувственная.

– Нет, – я энергично замотала головой, отчего капельки воды с моих волос летели ему на лицо. – Я знаю, чего я лишаясь. Я всегда это знала. Поэтому и не вышла замуж. Однажды я встретила мужчину... но не хочу говорить о нем.

– Ты хочешь его вернуть?

– Нет, и быть с ним тоже не хочу. Просто не могу преодолеть страсть, страх все закончить слишком велик. Поэтому мне и казалось, что Дейв – идеальный вариант. В нем меня ничто не пугало, он ничего не требовал, все было так просто, и мне не приходилось подавлять свои чувства.

– Ты не хочешь ничего чувствовать? Это ненормально, Руби. Это не жизнь.

Он опустил руку мне на плечо. Я глубоко вдохнула, пытаюсь выразить возмущение или просто набраться сил.

– Я приняла решение, Янош. Отношения – это не для меня.

– Ты не хочешь любить? Это грустно. А что насчет секса?

Тревога, тревога, привлекательный мужчина выясняет твое отношение к ни к чему не обязывающему сексу при 45 градусах.

– Нет, – сказала я твердо. – Никакого секса.

– Почему?

– Он все усложняет. Появляются чувства.

– Появляется веселье.

Казалось, Яношу очень трудно воспринимать мои слова всерьез.

– Это невозможно. Я просто не понимаю. Ты набожная?

– Нет! Если мне безразличен секс, это еще не значит, что я монашка! Я решила жить спокойно, вот и все.

Мой резкий тон привлек к нам внимание некоторых работников спа. Надеюсь, они не говорили по-английски.

– Ты не можешь никогда не заниматься сексом, – заявил Янош, как будто его наделили правом руководить моей личной жизнью. – Это неправильно.

– Почему?

– Если ты этого не хочешь, то, вероятно, потому, что у тебя никогда не было хорошего любовника. Это невозможно. Попробуй найти хорошего. Ты поймешь.

Я фыркнула от такой наглости.

– Вообще-то в моей жизни было полно великолепного секса.

– Не верю.

Я сдержала страстное желание поспорить. Кроме того, у меня не было доказательств. Плюс у меня закрадывалось неприятнейшее подозрение, что он прав.

– Давай сменим тему. Ты часто сюда приходишь?

– Я захожу чаще, чем ты, неважно где.

– Перестань! – я обрызгала его водой. – Тема моей сексуальной жизни закрыта.

– Я так не считаю, – он облил меня в ответ. – И ты передумаешь, я обещаю.

– Обещаю, что нет.

– Вызов принят. Игра началась.

– Янош, не будет никакой игры, нет никакого вызова, забудь. Мне здесь нужен друг, а ты единственный, кого я встретила. Не порти все разговорами о сексе.

– Это ты все сводишь к сексу, когда говоришь, что никогда не будешь им заниматься, но ладно, я перестал, по крайней мере на время. Хочешь одеться?

Мне было вполне комфортно в спа, но в этот момент я почувствовала неловкость от того, что Янош видел слишком много моего тела. Очевидно, что сидя рядом с полураздетой девушкой у залитого солнцем бассейна, нельзя было не думать о сексе.

– Да-да, – сказала я поспешно. – И, может быть, выпить кофе.

Я с трудом попрощалась с его мокрым мускулистым телом и утомленным лицом. Если я когда-нибудь нарушу свой обет, то виной тому будет именно такой мужчина. Но этого не произойдет, ни сейчас... никогда. Спокойная жизнь, Руби.

...Мы сидели в кафе в парке, попивая нечто под названием «Трауби» – подозреваю, что это было игристое вино.

– Потрясающий парк, – вздохнула я. – Почему такого места нет в каждом городе?

– Я не знаю других городов, – пожал плечами Янош.

– Правда? Ты никогда не выезжал из Венгрии?

– Один раз я был в Чехии, там неплохо. Я вернулся.

– Ты не хочешь путешествовать?

– Хочу, но не могу позволить. Кем ты работаешь в Англии?

– Я бухгалтер.

– Бухгалтер? Теперь я могу завести одного. Мои вычисления всегда ошибочны, и мои планы проваливаются.

– Ну, я могу заниматься и вычислениями, но порой мне хочется заниматься чем-то более творческим. Может, однажды я начну свое дело, как ты.

Он ухмыльнулся, глядя на свой стакан с содовой.

– Да, я хорошо начинаю дело, еще лучше заканчиваю.

– Похоже, мы полезны друг другу. Может, если ты приедешь в Англию или я перееду в Венгрию... – я замолчала: разговор вел в никуда – ничего из этого никогда не случится, да я этого и не хотела.

– Тогда мы сможем быть партнерами, – сказал он с самой неприятной ухмылкой, которую мне доводилось видеть.

Сдерживая волнение, я отвернулась. Он так произнес «партнерами», что у меня закружилась голова.

– Если захочешь, – он медленно подвинул свою руку к моей. – Ты хочешь?

– Да хватит уже.

Он вздохнул и допил содовую.

– Так он тоже бухгалтер? Дейв?

– Да.

– Ты любишь цифры. Что еще?

– Много чего, – точнее что я любила. – Кино, вкусную еду, музыку.

– Какую музыку?

– Хорошую: поп, классику, джаз...

– Тебе нравится цыганская скрипка?

– Уверена, что да. Вообще-то в Англии их нет, но...

– В Будапеште есть. Много-много цыганских скрипачей. Ты полюбишь, я покажу тебе.

– Это было бы здорово. Спасибо.

– Не за что.

За этой вежливой беседой скрывалась невероятная страсть, Янош словно хотел опрокинуть стол и повалить меня на пол все то время, что он монотонно рассказывал про цыганских скрипачей. Хотя в наших словах не было никаких намеков, все они произносились напряженно и двусмысленно. Или это все мое воображение? Возможно. Все эти разговоры о сексе выбили меня из колеи, и теперь мне повсюду мерещилась страсть. Глупо. Возьми себя в руки.

Он достал мобильный и минут десять непонятно говорил по нему, пока я допивала.

– Не думаю, что когда-нибудь смогу выучить венгерский, – заметила я, когда он наконец отложил телефон.

– Непростой язык, – согласился он. – Всегда полезно знать «привет» и «спасибо».

– И как это сказать по-венгерски?

– Привет – *jú napot*. Можно и по-другому, но этот вариант лучше всего для иностранцев, повтори.

Я повторила услышанное, надеясь, что он не обманывает меня, говоря всякие непристойности. Казалось, что он шутит.

– «До свидания» – тоже полезное слово. Ты можешь сказать *viszontlátásra*.

– Это не так просто повторить.

– Мы любим длинные слова. Но можно короче – *viszlát*.

– *Viszlát*. А «спасибо»?

– *Köszönöm*, – он протянул руку через стол и уверенно пожал мою. – Спасибо тебе за компанию, очень приятную. Теперь я должен идти, у меня дела.

– Ах да, – я погрузилась.

Он поглаживал мое запястье большим пальцем, словно почувствовав мое огорчение. Я старалась держаться бодрой.

– Конечно, извини, ты же наверняка ужасно занят.

– Ты будешь скучать по мне?

– Я буду скучать от одиночества.

– Нет, ты будешь скучать по мне, – он подмигнул и отпустил мою руку. – Теперь будь туристкой, наслаждайся, сможешь вернуться в мою квартиру к семи?

Мое сердце почему-то замерло.

– Да, к семи, я буду.

– Хорошо, – он встал и сухо попрощался, оставив несколько монет за напитки.

Блуждая по центру, рассматривая блестящие витрины, я наслаждалась представившейся наконец возможностью подумать о моем странном знакомстве с городом и его жителями.

Считанные часы назад я еще не знала Яноша и уже скучаю по нему. Если бы не он, скучала бы я по Дейву? Потому что теперь, вероятно, этого не случилось. Я вспомнила о нем лишь дважды с тех пор, как приземлилась, когда Янош спросил. Я представила, что бы сейчас было, будь Дейв рядом: он бы в уме переводил форинты в стерлинги, а потом в доллары и евро каждый раз, как видел ценник в витрине. Он бы пренебрег всеми памятниками культуры, ради того чтобы доставать местных управляющих, сравнивая размер и качество местного жилья с британским. За кофе с пирожным мы обсудили бы экономический спад и оценили перспективы Венгрии в выходе из кризиса. Наша прогулка по городу была бы крайне утомительной и сопровождалась постоянными ободрениями.

Если б со мной был Янош, хотя... не знаю. Могло быть что угодно. Смех, сумасшествие, риск, восторг. Влечение. Секс.

Нужно перестать думать об этом. Даже если б я не обещала себе не думать о его руках... гибком накачанном теле... горящих глазах... *О нет. Потеряла голову. Черт, он потрясающий*. Даже если б я не обещала себе держаться от него подальше, такие мужчины, как Янош, не подходят для длительных отношений. Он сам признался, что его бизнес рушится. Он поймал меня, как бабочку, на несколько мгновений, а потом ушел, когда она ему наскучила. Он мужчина на раз. Время, проведенное с ним, окажется приятным, но эфемерным. *Хотя он, должно быть, восхитителен в постели...*

На обратном пути в трамвае я не могла перестать фантазировать о том, как это могло быть. Он бы крепко схватил меня, взял на руки, посадил на стол, его пальцы у меня под юбкой, помогают снять колготки. Он бы смеялся и говорил что-то пошлое и сладкое. Ох, как же давно я не слышала ничего развратного и сладкого. Дейв был молчалив, за исключением редких застенчивых комментариев. Янош с вампирским акцентом начнет лить потоки разврата в мои уши, пока его пальцы говорят на своем языке у меня между ног. Боже, он

отклонится назад и будет иметь меня, его брюки спущены до колен, руки у меня на бедрах, он входит в меня, а сзади на полках звенят бокалы. Он убедится, что я кончила первой, и часто, прежде чем извергнуть в меня свое мадьярское семя, делая меня своей, будет доказывать мне, что я нуждаюсь в сексе и не могу жить без него...

Черт, моя остановка?

Я выскочила из трамвая и заковыляла по булыжникам, ощущая неловкую влажность между ног, пока не дошла до квартиры и смогла спрятаться, с невероятным облегчением, от всякого, кто мог бы угадать мои мысли.

Я лежала на кровати, все еще не заправленной, все еще ощущая присутствие Яноша на смятых простынях и подушках, и занялась единственным видом секса, доступным мне. Моя кожа, смягченная после спа, была очень нежной, когда ногти скользили по бедрам и опускались под резинку трусиков. Я подняла и развела колени, чтобы удобнее было себя ласкать, отвернула голову и представила моего нового партнера, каким он был прошлой ночью, спящим рядом со мной.

Его веки слегка подрагивали, он протянул руку, что могло объясняться ночным кошмаром. Она упала на мое бедро. Он зевнул, и я придвинулась поближе, осознав свою ошибку, как только его рука сжалась и он прижал меня и зарычал, как настоящий медведь.

– Попалась, – сказал он с недобрый смешком.

Бедром я почувствовала, насколько он возбужден. Я засмеялась и изогнулась, словно собиралась ускользнуть только потому, что хотела перейти эту грань, за которой сопротивление оказывается бесполезным. Он вынудил меня, сильно прижав и перевернув через себя, так что я теперь лежала на спине, плотно зажата между ним и матрасом.

– Ты этого хочешь, – сказал он голосом насыщенным и сладким, как выпитая нами палинка. – Ты это получишь.

Я чувствовала его член между бедер, а головка проворно входила в мою вагину. Он двигался медленно, дразня, его накачанный пресс терся о мой плоский живот, таз покачивался.

– Но сначала, – шептал он, – ты должна это признать.

Да-да-да (шлеп-шлеп-шлеп), он касается меня головкой, слегка двигается вперед, так и не входя в жаждущую плоть. Он дразнил меня, пока я не застонала, пока я не прикусила его ухо, пока я не выгнула спину, стараясь заставить его войти в меня. Но от него никакого милосердия, только его горячие губы в моем ухе и шепот:

– Скажи это.

Как будто мое влагище недостаточно ясно об этом говорило. Он отлично понимал, что мог войти в меня без малейшего сопротивления, когда захочет. Но он добивался полной капитуляции и моего полного осознания этого. Пока эти слова не будут произнесены, я буду мучиться. Единственное, что мне оставалось, – подчиниться.

– Я этого хочу, – признала я, – пожалуйста, дай мне.

Он приподнялся, освобождая мои бедра, теперь я могла развести ноги и приподняться, но он тоже отодвинулся, и его член оставался на мучительном расстоянии.

– Дать тебе что?

– Трахни меня, Янош, трахни меня, пожалуйста.

Он глубоко вдохнул и с силой подался вперед. Я с наслаждением почувствовала во мне его член, плотно зажала его и не отпускала все долгие мгновения наслаждения. Он опирался на сильные руки, его грудь вздымалась надо мной, золотые цепи вокруг его шеи, татуировки на бицепсах, выражение почти религиозного экстаза на лице. Он застыл неподвижно, когда мы оба почувствовали это единение, новое, невероятное ощущение.

– О, да, я трахну тебя, – произнес он. – Держись.

Потом стремительное нападение, треск изголовья, сжатие запястий, я вытянулась на кровати. Он трахал меня, пока мое влагалище не было истощено, а бедра не молили о пощаде, вовлекая меня в секс, пока больше не осталось ничего в моем мире, я не знала ничего кроме того, что сейчас вся жизнь пронесется у меня перед глазами, и именно этого я хотела, именно это мне было нужно, снова и снова...

Я кончила, тяжело дыша, благодаря свои уставшие пальцы, воображаемое лицо Яноша таяло перед моими глазами. Чувства отступали, медленно, не спеша, пока мое невыносимое реальное одиночество не заставило меня завернуться в простынь, прячась от окружающей действительности. Испытав пик наслаждения, теперь я испытывала груз опустошения. Я была одна, все, чего я могла ожидать, – одиночество. Глупое искушение мужчинами, которые никогда не станут частью моей жизни, этого не изменит.

Глава 3

Должно быть, я выплакалась, прежде чем уснуть, следующее, что я помню – это слишком громкая музыка у кого-то из соседей. Я освободилась от простыней, привстав, посмотрела вниз на мой влажный, мятый сарафан и липкие трусики, все еще спущенные почти до колен. Там снова стоял чертов скрипач, он играл по-настоящему пронзительно и проникновенно, иногда врезались аккордеоны и кларнеты. Мелодия была в миноре, что-то грустное с ощущением того, что эту грусть нельзя унять. Возможно, именно эти цыганские скрипки упоминал Янош...

Янош. Он должен был вскоре прийти сюда в... я посмотрела на часы. Черт. Семь. Уже 10 минут.

Я вскочила с постели и заметалась: хотелось принять душ, переодеться, открыть бутылку вина, может, что-то приготовить, заправить кровать, причесаться, накраситься... А раз я собиралась сделать так много всего, это означало лишь, что я не сделаю ничего, только все больше бессмысленно суежилась, пока, оказавшись у дверей балкона, не осознала, что музыка играет не у соседей, а на улице.

Я убедилась, что по крайней мере натянула трусы, прежде чем приоткрыть двери балкона и взглянуть вниз на вымощенную улицу.

Полдюжины мужчин в белых рубашках и черных жилетках играли на своих инструментах перед немногочисленной публикой. Когда я просунула голову в дверь, раздался крик, и все подняли глаза на меня.

Я захлопнула двери и отбежала к стене, сердце бешено колотилось.

Это для меня?

Разумеется, это всего лишь совпадение, нелепое совпадение заставило их всех посмотреть на мой балкон, а крик, когда я открыла двери, раздался потому что... почему-то еще. Так? Вероятно, так. Но никакая сила не заставит меня снова выйти туда в этом помятом постмастурбационном состоянии. Что-то стукнуло о дверь балкона, и я подскочила от неожиданности. Это не был камень, ни что-то тяжелое. Что бы то ни было, оно издало негромкий, глухой звук. Я подкралась к балкону и повернула ключ в замке, все еще прижимаясь к стене. Дверь с треском открылась, снизу раздавались подбадривающие крики. Что-то не позволяло двери открыться шире, поэтому я опустилась на колени, чтобы подсмотреть. Моя рука неловко искала что-то по другую сторону двери, пока я не отдернула ее от резкой боли. Ай! Колбочка!

Предметом, ударившимся о балконную дверь, оказалась алая роза.

Это шутка? Или кто-то ошибся?

Но, когда я укололась, кто-то выкрикнул мое имя.

– Руби!

О, боже мой. Я поднялась на ноги и перевесилась через перила балкона, нерасчесанные волосы падали мне на лицо.

– Янош! Какого черта?

Он стоял перед оркестром, широко разведя руки и запрокинув голову: цыганский концерт – для тебя!

– Я думала, ты хотел... – я замолчала и замотала головой.

Люди внизу улыбались, глядя на меня.

– Я ухожу.

– Нет-нет.

Янош разбежался и запрыгнул на балкон нижерасположенной квартиры.

– Ты что? – я была в панике, казалось, он и правда собирается забраться в окно на третьем этаже. – Ты упадешь!

– Я? Нет.

Толпа неистовствовала, подбадривая и свистя, хлопая под все более быструю музыку.

Я смотрела, как Янош подтягивается, упираясь ногами в ставни первого этажа, потом добрался до балкона нижерасположенной квартиры.

Он замер, держась за перила, усмехаясь, глядя на меня, притворяясь, будто вот-вот упадет, отчего я и толпа внизу вскрикивали.

На мгновение он встал – это было по-настоящему опасно – на перила, ни за что не держась, удерживая равновесие, прежде чем подпрыгнуть и схватиться за мой балкон. Его пальцы нащупали мои носки. Я присела и уже была готова шлепнуть его, когда он, наконец, будет вне опасности. Ну, что за глупое ребячество.

Но за этим благоразумным неодобрением скрывались преступные дрожь и трепет. Он старался произвести на меня впечатление каким-то старомодным безрассудством. Так глупо, что это сработало.

Ему оставалось лишь схватиться за перегородки балкона как обезьяне, потом подтянуться на перилах, у которых я стояла, сложив руки, нахмурившись и поджидая его.

– Ты долбаный псих, – поздоровалась я.

– Эй, это неправильно, – возразил он. – Толпа ждет от нас поцелуя.

– Толпа может проваливать.

Я скрылась в квартире, с непреодолимым желанием захлопнуть балконную дверь прямо у него перед носом, но в конце концов, это была его дверь, поэтому я сдержалась.

– Где в твоей душе романтика? – жаловался он, следуя за мной в гостиную.

– Я ничего нелепее в жизни не видела! – воскликнула я, размахивая руками перед его лицом. – Боже мой! Чертовы скрипачи, твои спайдерменовские выходки, да и я выглядела как Ворзель Гаммидж... ах!

– Что такое Ворзель Гаммидж?

– Пугало.

– Что такое пугало?

– Ох, – у меня слов не хватало, и я уже не могла больше рвать на себе волосы от ярости. – Забудь.

– Думаю, что пугало – это что-то очень красивое, даже когда злится.

Не позволяй его обаянию тебя обезоружить.

Но его комментарий меня остудил, и я смущенно засмеялась.

– Вот дрянь, думаешь, ты можешь все исправить сладкими речами. Я то еще препятствие, меня не так просто преодолеть.

– С какой стати мне преодолевать тебя? Не понимаю, что ты злишься? Я делаю эти вещи для тебя – приятные вещи. Тебе не нравится?

Он казался по-настоящему уязвленным и смущенным. Я растаяла, опустилась на диван, жестом дав ему понять, чтобы он садился рядом.

– Извини, – сказала я, подавляя раздражение. – Уверена, что ты хотел как лучше. Просто у меня это вызвало некоторый шок. И недоумение. Я не знала, как реагировать, я не привыкла к такому.

– У тебя не было романтических мужчин? Это проблема Британии?

Я снова засмеялась.

– Возможно. Но, Янош, мне казалось, что я четко дала понять, что не ищу романтики.

– Ты не ищешь романтики, но она тебя находит. Не понимаю, почему ты от нее прячешься.

– Я уже объясняла тебе почему. Это не для меня.

– Не могу с тобой согласиться.

– Тогда мы должны согласиться, что не соглашаемся.

Янош вздохнул.

– Я заплатил этим цыганам.

– Да где ты их вообще отрыл?

– Они работают в ресторане моего дяди. Некоторые работали в моем, когда у меня был свой. Потрясающие ребята. Потрясающие музыканты. Тебе не нравится их музыка?

– Нравится, очень мощная, меланхоличная, но в то же время игривая. Пробуждает желание танцевать и пить палинку.

От этих слов Янош приободрился.

– А этим мы могли бы заняться сегодня вечером. Давай я возьму тебя на ужин к моему дяде, он будет обращаться с тобой, как с принцессой.

Я коснулась его руки.

– Звучит отлично, но послушай, это не свидание, ОК? Никакой романтики. Ты мне очень симпатичен, но мы можем быть только друзьями.

Янош похлопал мою руку на своем плече и замотал головой.

– Ты так говоришь, Руби, но ты так не думаешь.

– Перестань, или я уйду куда глаза глядят.

– Иди собирайся. Или пойдем прямо сейчас, я не против.

В мятом платье и лохматой? Не думаю.

Двадцать минут спустя я уже шла по широкой фешенебельной венгерской улице, держа под руку красивого венгра, на мне мое лучшее платье в пол от Zara и мои единственные туфли на каблуке. Солнце садилось, прогуливались красивые люди, и ощущение момента было совершенным, идеальная картина явно неидеальной жизни сильно впечатляла.

Если б только жизнь всегда была такой!

Мы свернули направо, вошли в двери и, спустившись по лестнице на один пролет, оказались в огромном погребе с танцполом посередине и сценой для музыкантов, кое-кто из них мне уже был знаком. Несколько парочек кружились под музыку, пока остальные ели, пили и смотрели.

– Янош!

Вероятно, знаменитый дядя, что-то произнес по-венгерски, прежде чем по-медвежьи обнять племянника и похлопать его по спине. Казалось, они мило беседуют обо мне и моей национальности, потом дядя обратился ко мне напрямую.

– Англичанка, да? Ко мне ходит много англичан. Аккуратней с Яношем, ладно, он угодник для дам, так вы говорите?

– Дамский угодник, – поправила я, неловко улыбаясь. – Мы просто друзья.

В ответ дядя загоготал и, подмигивая, отошел назад к бару.

– Ну, раз ты так говоришь.

– Боже, – пробормотала я сквозь сжатые зубы, пока официант провожал нас до столика. – Весь Будапешт думает, что мы вместе.

Это же читалось и в озорных усмешках на лицах цыган-скрипачей. Почти сразу один из них, оставив остальных, подошел к нам, играя прямо за моим левым плечом. Это немного раздражало.

– Если дать ему денег, он уйдет, – заметил Янош, протягивая горсть форинтов.

– Так, что мне съесть? – я, нахмурившись, уставилась в меню, которое представало довольно для меня бесполезным. – Гуляш?

– Гуляш – это вкусное венгерское блюдо, но вообще-то это суп, а не то, что представляете себе вы, англичане. Посетители часто удивляются, когда его заказывают.

– Правда? Я в любом случае хочу попробовать. Хочу посмотреть, насколько он отличается.

– Я закажу вина. Может, бутылочку красного «Токая»?

– Это будет еще один новый опыт.

– Хорошо, – он кивнул.

Казалось, он немного отстранялся, обиделся? Довольно долго он сидел молча, пристально изучая меню, пока я смотрела на танцующих.

– Тебе нравится танцевать? – спросил он неожиданно, как только нам принесли вино.

– Я не очень хорошо танцую.

– Значит, ты не так часто это делаешь. Иди сюда.

Он встал и подал мне руку, холодный и серьезный, как офицер Прусской армии. С неохотой я взяла ее, позволив отвести себя в самый центр танцующих.

Как только мы оказались на танцполе, он выпрямился, так резко и ловко прижал меня к себе, что у меня дух захватило. Прежде чем я смогла оправиться, наши бедра соприкасались и мы уже мчались по всему периметру зала. Я понятия не имела, что это за танец, и не знала ни одного па, но он как-то вел меня, зная точно, когда мне пройти под его рукой, а когда вращаться вокруг него. Я чувствовала себя куклой, податливой и зависимой от его воли даже в собственных движениях. Это тревожило. Это восхищало. Я хотела, чтобы так было всегда.

Музыка, громкая и настойчивая, подгоняла нас, заставляя двигаться все быстрее и неистовее. Я кружилась, смеясь и покачивая бедрами, пока мое лицо не стало совсем красным и не закололо в груди. И не могла остановиться!..

Янош был искусен, силен и великолепно чувствовал музыку – я была очарована, поражена, покорена. Словно его рука на моем бедре обладала магией, подчиняя мои стопы его воле. Я чувствовала жар от его пальцев. Мелодия стихла раньше, чем я ожидала.

Я упала в объятия Яноша, все еще глупо смеясь, и грудью чувствовала, как бьется его сердце, пока он держал меня.

Он похлопал меня по бедру и отпустил.

– Кушать подано.

Мне потребовалась пара минут, чтобы отдышаться, прежде чем я сделала глоток красного вина, налитого официантом.

– Уау, – сказала я. – Это было... уау.

– Так, значит, тебе все-таки нравится танцевать?

– Такие танцы мне нравятся. Я имею в виду, что без тебя у меня бы не получилось, я бы не знала, что делать.

Он накрутил макароны на вилку.

– Для некоторых вещей в жизни тебе нужен мужчина.

– Можно танцевать и с друзьями.

– Это не то же самое. Не так. Мы танцевали так, потому что мы больше, чем друзья.

– О, Янош...

– Ты знаешь, что это правда. Страсть заставляет танец... – он зажестиковал руками, подбирая слова, – ...оживать. Нет страсти – танец мертв.

– Не думаю, что это так. Многие профессиональные танцоры – не любовники.

– Профессионалы – это не то же самое.

– Это тоже не гуляш. Ты был прав.

Ловкая смена темы, думаю, ты согласишься. Я увела Яноша от слегка раздражающего желания настаивать на том, что я его хочу, к разговору о том, как использовать и хранить паприку.

Беседы о еде и вине оставались ненапряженными, несмотря на то, что Янош даже не пытался сдержать негодования по поводу красной скатерти в клеточку.

Мы снова танцевали, изобилие еды и пьянящего вина сделали меня менее грациозной, но ничуть не повлияли на мое приподнятое настроение.

Дядя Имре пожелал нам хорошего вечера и отказался от платы, с благословением отправляя в теплую ночь.

– У твоего дяди так классно! – сказала я Яношу, позволяя ему положить руку мне на плечо и направлять мои уже немного непослушные ноги.

– Ах, нет, это не классно. Если хочешь «классно», я покажу.

– Да? И куда же мы теперь идем?

– Я отведу тебя в керт. Это самые классные места в городе.

– А что это?

– Пошли, тут рядом есть один.

Снаружи он выглядел как обычный модный бар: неоновая подсветка, огромные светящиеся окна, компании хипстеров за столиками...

Мы отворили огромную увесистую дверь... Бар оказался не баром, а внутренним двориком, среди брусчатки росли деревья, а стены и пол украшали художественные инсталляции.

– Ух ты, – я не могла оторвать глаз от коллекции винтажных велосипедов, подвешенных над головой бармена. – Это совсем... по-другому.

– Сейчас это популярно в Будапеште, модно. Я подумываю открыть такой бар.

– Тебе нужно найти старый дворик.

– Их много. Еще в моде разрушенные бары – в старых зданиях, почти обрушившихся.

– Предполагаю, что аренда обойдется недорого.

– Нет, через год их снесут, построят торговый центр.

Он пожал плечами и кивнул в сторону бармена, прежде чем заказал нечто абсолютно неопознаваемое.

Мы уединились во внутреннем дворике с двумя бокалами чего-то на вид приторного и мерзкого.

– Что это? – я понюхала содержимое бокала – пахло травами, немного дубильным и сильно непригодным для питья.

– Уникум. Он крепкий и прояснит твою голову.

Прояснит мой рассудок? По-моему, эффект будет противоположным. В моем мозгу всплыл «Токай», и у меня появилась идея.

– Эй, – я бросилась вперед, неловко хватая его за плечо. – Ты ведь не хочешь меня напоить, да? Чтобы потом этим воспользоваться?

Часть меня хотела, чтобы он сказал «да». Другая часть хотела, чтобы он ответил: «ОК, продолжай».

Но его усы зашевелились, и он делано-небрежно откинулся на спинку стула:

– Я хотел показать тебе венгерскую культуру, и все.

Хм, он оказался намного раздражительнее, чем я думала. Казалось, он примерял маску то стопроцентного соблазнителя, то заурядного посетителя, не давая никаких подсказок относительно выбранной в данный момент роли. Это напомнило мне, почему мужчины и отношения меня раздражали, так что я просто подняла бровь и глотнула дряни из своего бокала.

– Боже мой, – пробормотала я, – ну и гадость, будто микстура Викторианской эпохи, которую забыли в кабинете еще в 1862 году.

Янош сбросил ледяную маску и усмехнулся.

– Не в твоем вкусе? Ладно, я принесу тебе что-нибудь другое. Палинка? Пиво? Вино?

– Все равно.

Он принес бутылку вина и два бокала.

– Скажи, что тебе нравится, – сказал он, разливая насыщенно-красный напиток.

– Разве мы об этом не говорили?

– Нет, что тебе нравится в мужчинах?

– Я не хочу мужчину.

Кроме тебя.

– Нет, но если бы на Землю свалился идеальный мужчина, каким бы он был?

Похожим на тебя.

– Ах, знаешь, я об этом как-то не думала.

– Подумай сейчас. Скажи мне.

– У меня был список, и Дейв подходил по всем пунктам. В списке было: заботливый, чувственный, амбициозный, при деньгах, верный, честный, оптимистичный, надежный.

Выражение неудовольствия на лице Яноша смешило меня.

– Что такое?

– Ты описываешь бизнес-партнера, а не любовника. Как насчет того, ну... что он должен смешить тебя? По-моему, англичане постоянно говорят про свое чувство юмора. Ты этого не хочешь?

Я задумалась. В нашей совместной жизни было не так уж и много смеха, я осознала это только теперь.

– Думаю, это было бы приятное дополнение.

– Дополнение? А насчет хорошего любовника? Это тоже дополнение?

– Я... правда, не знаю.

– Как насчет того, что он должен быть любящим? Готовым на все ради тебя?

– О, Дейв любил меня, по-своему. Он бы не стал биться с драконом или что-то в этом роде, но...

– Я бы сразился с драконом. Ради моей женщины я бы стал.

Янош ударил кулаком по столу.

Я подмигнула:

– А что насчет этой женщины? Какой бы она была?

Он опустил голову набок и довольно долго смотрел на меня, чтобы я затрепетала и бросилась искать укрытие в бокале.

– Я не знаю этого Дейва, – сказал он, растягивая слова. – Он не похож на меня. Возможно, я противоположность. Прежде чем ты сдашься, прежде чем забудешь о мужчинах, ты не хочешь попробовать другую личность? Как ты можешь знать, если ты не хочешь? Если ты не попробовала?

– Думаешь жизнь такова? – спросила я тихо. – Большой эксперимент? Надо все попробовать? У меня не так. У меня есть чувства. У меня есть сердце и я не хочу рисковать, чтобы оно не было разбито.

– Вот видишь, вот мы и дошли до этого. Ты боишься, боишься любви.

– Ты когда-нибудь любил?

– Да, конечно.

– Держу пари, неоднократно. Поматросил и бросил, держу пари, ты из таких.

В моих словах звучал упрек. Слишком быстро я осушила бокал размером с аквариум.

– В моей жизни я любил трех женщин, – сказал он, возмущенный тем, что я клеила на него ярлыки. – Первая – моя мать. Вторая – школьная любовь. Третья – моя жена.

– Что?! Ты женат?

– Она ушла, когда мой бизнес рухнул. Сейчас я один.

– Вот черт, извини. Должно быть, это было нелегко.

Я почувствовала нелепые пьяные слезы на глазах. Бедный Янош, в одночасье потерял и инвестиции, и любовь. Мне хотелось обнять его, вцепиться в его непослушные волосы, прижать его к себе.

– У тебя есть дети?

– Хотел, чтоб были, но она говорила, что слишком молода. Она модель, очень красивая. Сейчас в Америке. Как бы то ни было, мы говорим не обо мне. Я не из тех, кто сдаётся. У меня все еще есть надежда и страсть. А у тебя?

– У меня есть самоуважение и приличная сумма в банке, – я жалко засмеялась. – Ух ты, рок-н-ролл. Итак, раз ты любил лишь двоих женщин, не считая матери, значит ли это, что ты спал лишь с двумя женщинами?

Он замотал головой, подмигивая мне.

– Может быть, еще с одной или двумя, – признался он.

– Считаю Джоди.

– А ты?

– С двумя – с Дейвом и с этим парнем, в которого влюбилась в колледже. Он меня отверг. По-настоящему некрасиво, по-настоящему разбил мне сердце.

О, боже, к собственному ужасу я поняла, что плачу.

– Это все из-за вина, – бросила я, когда он сделал движение в мою сторону. – Слишком много вина, давай выпьем еще по бокалу.

– Ты уже пьяна.

– Тогда давай танцевать!

За время нашей беседы из другого конца бара иногда доносилась музыка шестидесятых. Пара человек по-хипстерски дергалась на брусчатке.

Я постаралась поднять Яноша. Казалось, что он не особо хочет, но он встал и обнял меня, не давая мне уж слишком раскачиваться.

Музыка играла громко и фальшиво, мимо проносились лица, пугающее небо тоже кружилось, мне было ужасно плохо, я хотела сесть.

Нужно... сесть.

Так кончился вечер.

Глава 4

Что-то жутко пульсировало у левой брови, сейчас мне нужно было выпить, мне в жизни ничего так не было нужно. Когда мне удалось разлепить глаза, я к великой радости увидела огромный стакан воды на тумбочке.

Потребность номер один удовлетворена, все остальные – потом, а они тем временем все множились и множились. Потребность унять боль, потребность обратно лечь спать, потребность избавиться от этого гадкого привкуса во рту, потребность узнать, кто снял с меня туфли и уложил в кровать... ах да.

Я привстала на локте и оглядела комнату – его и след простыл.

Ненавидела себя за то, что проверила, на месте ли белье – он совсем не из тех мужчин, не так ли? – но все-таки я убедилась. Сказались бесконечные истории о подмешивании всякой гадости в напитки и о последствиях.

Меня это не коснулось, так что я сделала первый неуверенный шаг из кровати и направилась в душ, чтобы почистить покрытые налетом и жженные кислотой зубы.

Черт, наверняка меня рвало в этом керте. Как изыскано и космополитично. Вот дура.

Я так активно драила зубы щеткой, пока бедные десны не закровоточили. Представляю, что Янош обо мне подумал. Эта мысль не давала мне покоя, хотя не должна была. Меня не должно волновать, что он там думает. Это всего лишь парень, которого я никогда больше не увижу после отъезда из города. Меня это вообще не должно волновать, но волновало.

Я выпила почти полбутылки жидкости для полоскания рта, потом села под душем и позволила воде укрыть меня надолго, очень-очень надолго.

Как только на мне оказались мои самые удобные джинсы и футболка, я отважилась войти в гостиную.

Там было пусто. Никого. Прекрасно. Думаю. Вообще-то, возможно, я немного расстроилась, но в целом испытала облегчение.

Я дотянулась до адвила, потом кофе и – на диван, пока он опускается в желудок, задумавшись над тем, есть ли способ вычеркнуть события прошлого вечера из истории. Это было так не похоже на меня. Что со мной случилось? В Будапеште я уже другой человек?

Растрепанная красная роза, заброшенная Яношем на балкон, заставила меня перевести взгляд с вазы на стену над камином. Он возбуждал меня накануне и на самом деле мог оказаться лучше, чем я. Он говорит то, что думает, он честен в своих эмоциях. А я просто пустышка, унылая пустышка. С огромной прорехой в том месте, где должна быть личность.

Я закрыла лицо подушкой и застонала от безысходности и отвращения к самой себе.

Именно такой меня увидел Янош, когда вошел 5 через минут.

– Эй, все не так плохо, – сказал он мягко.

Я услышала, как зашуршал бумажный пакет, и приподняла край подушки, чтобы подглядеть.

– У меня есть лучшее лекарство от похмелья.

Он выглядел до безобразия здоровым и энергичным. Он забрал у меня подушку, взял мою руку и приподнял, усадив на диван, прежде чем оккупировать место рядом. Он достал из пакета две напоминающие пиццу лепешки.

– Лангош, – сказал он, протягивая мне один из них.

– Что это?

Выглядело и пахло оно как инфаркт в пакете. Мои пальцы уже были в масле, когда я взяла его, с него тек сыр, сметана и бекон.

– Любимая венгерская закуска, – сказал он с ухмылкой, – у нас часто похмелье.

Я робко смотрела на него.

– Я слишком много вчера выпила.

– Не так много.

– Для меня много.

От запаха теста у меня скрутило желудок, и я вернула ему лангош.

– Не думаю, что осилю. Не сейчас.

– Мы можем позже разогреть, – сказал он, откусывая свой.

– Спасибо, – я смотрела, как он жадно поедает маслянистое, жирное тесто со собственной ему энергией.

– Ты же не захотела, – заметил он.

– Нет, не за эту... пиццу. За то, что позаботился обо мне вчера, я жутко напилась. Это было очень мило с твоей стороны.

Он с недоумением уставился на меня, пережевывая, пока наконец не проглотил этот огромный кусок теста.

– Думаешь, я оставлю тебя в таком состоянии? Пьяную в незнакомом городе? Мне обидно это слышать.

– Извини. Тем не менее я благодарна тебе.

Он молча доел, потом встал.

– Я покажу тебе достопримечательности, – заявил он.

Я побледнела, и тошнота поднялась от желудка к самому горлу.

– Я собиралась вернуться в кровать.

– Хочешь потерять весь день? Сегодня прекрасный день!

– Так же тепло, как вчера?

– Нет-нет, прохладно, приятно, немного ветрено. Прекрасный день, чтобы посетить Рыбацкий бастион.

– А тебе не надо работать?

– Я взял выходной. Завтра я, может, поищу место для керта. Можешь пойти со мной, если хочешь.

– А, ладно. Я с удовольствием.

Предстоящее мероприятие, связанное с бизнесом, почему-то приободрило меня.

– Давай выпьем кофе и пойдем.

– Отличный план.

– Это Венгерский парламент, видишь? А это остров Маргит, там много хороших спа-центров и бассейнов.

Я молчала, слишком замороженная белыми каменными арками в неороманском стиле, чтобы отвечать. Янош был прав, сегодня было свежее, прохладный бриз трепал мои волосы, и мне то и дело приходилось убирать их с лица. Голова становилась яснее медленно, но верно. Я смотрела, как солнце искрилось на глади красивого, но не очень голубого Дуная. Средневековые крыши и улочки сказочных пряничных домиков спускались от бастиона к набережной, напоминая мне сериал Гримм. Будапешт представлялся самым восхитительным местом на Земле.

И мужчина рядом со мной только подтверждал это мнение.

Он уже показал мне Замок Будды и церковь Матьяша, без сомнения, довольный тем, что с лихвой удовлетворяет мои туристические запросы. Теперь мы стояли под строгим взглядом статуи, уже словно сами ставшие частью панорамы города.

– Семь башен, – сказал он, – символизируют семь мадьярских племен, поселившихся здесь много лет назад.

– А ты неплохо знаешь город.

– Я здесь живу, – он пожал плечами, потом сделал едва заметный шаг в мою сторону. – Например, знаешь ли ты о том, что тот, кто поцелуется здесь, снова приедет в Будапешт?

Его голос стал тише, мягче. Я почувствовала, что внутри меня все тает и превращается в жидкий шелк.

– В самом деле?

– О, да. Ты хочешь снова приехать в Будапешт?

– Я еще не уехала!

– Нет, но...?

– Думаю, да. Да. Здесь красиво, безусловно, я бы хотела оказаться здесь снова.

– Это зависит от тебя.

Его губы были совсем близко к моему уху, он слегка подталкивал меня плечом.

Я засмеялась, но не потому, что это было смешно. Если я позволю Яношу поцеловать меня, последствия будут далеко не веселыми. Но он не должен был об этом знать.

– Боюсь, я не верю в эти глупые легенды. Если я захочу вернуться, то просто куплю билет и соберу чемодан, а не брошусь целовать какого-то... кого-то...

– Ты говоришь так холодно, но это не ты. Это же просто забавно, ты боишься забавных вещей?

– Конечно, нет.

Он обнял меня за шею.

– Ты так напряжена! У *istenem!* Тебе нужен поцелуй!

Я наклонила голову, подставляя ему левую щеку.

– Ну что ж, вперед.

– Нужно в губы – в щеку не годится.

Я тяжело вздохнула.

– Ты все выдумываешь. Да ради бога!

Я сморщилась, закатила глаза, думая о том, что мы можем покончить с этими глупостями и пойти в кафе.

Я затаила дыхание, почувствовав, как он подошел ближе, отличая его запах в городском воздухе. Его рука оставалась на моей шее, нежная, но твердая, потом – благороднейшее теплое дыхание, и я ощущаю его губы. Меня щекотали его усы, поэтому я сморщила нос и почувствовала, как он уперся в него своим.

Шли секунды. Мы не шевелились – просто стояли, касаясь губами, даже не целуясь, даже не осмеливаясь дышать, не способные отойти друг от друга.

Хватит. Пора. Так я думала, но не могла пошевелиться. *Настал тот момент, когда он должен либо прекратить, либо пойти дальше.* В груди все горело, сердце бешено колотилось. Он подошел еще ближе, значит, дальше. Он разжал пальцы, чтобы схватить мою шею еще крепче, его губы крепче прижались к моим.

Это был поцелуй. Настоящий. Все мое сопротивление, хладнокровие и здравый смысл растворились где-то в облаках над Европой. Он гладил меня свободной рукой, придерживая за талию, его огромные пальцы скользили вверх и вниз по моей узкой спине, мои руки лежали у него на плечах, спасая ослабевшие ноги.

Он казался так божественен, так невероятен, так *прав*. Дейв никогда не был таким. Дейв никогда не *целовал* меня так.

С Яношем я вонзилась в это место, двигаясь слепо среди его тепла и силы, как ракета в поисках цели. Все мое существо трепетало от непреодолимого желания. Он пробрался ко мне в душу. Я проиграла сражение.

Мои губы уступили без сопротивления под малейшим напором его языка. Я впустила его внутрь себя, гостеприимно и жадно, испытывая огромное облегчение.

В конце концов, почему нет? Почему не наслаждаться этим потрясающим мужчиной, раз можно? Почему просто не жить?

Не знаю, как долго мы целовались, но мы прервались, лишь когда насмешливый американский голос в паре метров от нас посоветовал:

– Фу ты, идите уже в гостиницу!

Странно было вновь обнаружить, что у меня все еще есть ноги, уши и так далее. Мне казалось, что я уже вся превратилась в ощущения, но нет, я оставалась все тем же безродным существом из плоти и крови.

Я опустила голову Яношу на грудь, чтобы отдышаться, все еще не в силах оторваться от него.

– Вот видишь, – прошептал он, щекоча мое ухо усами. – Тебе нужен был поцелуй.

Словно чтобы доказать это, он поцеловал мою мочку уха и потерся носом о мои волосы.

– Нам не пора домой? – ответила я шепотом.

– Ты хочешь?

– Да.

Он взял меня за руку и повел обратно к лестнице. Я погружалась, шла ко дну и надеялась лишь не потерять голову окончательно.

В трамвае я уютно устроилась в его объятиях, прижимаясь головой к его шее... Ему пришла SMS, и он достал телефон, чтобы прочитать.

– Мой друг нашел место для керта. Посмотрим его завтра. Но это риск – Восьмой район, не очень хорошая зона. Но налаживается.

– Реконструкция, – пролепетала я, – развитые и развивающиеся зоны – это почти всегда выгодное вложение.

– Не знаю, о чем ты. Но сейчас это место популярно у специалистов и студентов. В Барош утце много ветхих зданий, но можно исправить. Может сработать. Завтра посмотрим.

Мы выпрыгнули из трамвая, держась за руки, и побежали к дому.

Янош открыл дверь и практически затолкал меня внутрь, прижал к стене, и мы растворились в жадных, ненасытных поцелуях. Наши бедра плотно прижимались друг к другу. Пряжки ремней и пуговицы на джинсах звенели, ударяясь друг о друга.

Поддаваясь нарастающей волне страсти, он расстегнул их, я крепко прижалась к нему, я хотела, чтобы мои пальцы коснулись его везде, почувствовали, завоевали каждую клеточку его тела.

Здесь уже никто не мог помешать нашим сплетавшимся языкам, мы позволили им все, прикусывали губы, сосали, облизывали с жадностью.

– Идем в постель? – бросил он, тяжело дыша, внезапно охрипшим голосом.

– Да.

Сплетаясь телами, качаясь, мы прошли в спальню и боком упали на кровать. Мои изнемогающие пальцы вцепились в его свитер и дергали его, желая снять, но он опрокинул меня на спину и покрыл все лицо и шею поцелуями, пока его рука ласкала мою грудь под майкой.

Медленно, неловко, бесконечно останавливаясь из-за поцелуев, мы наконец освободились от одежды. Мой топ был первым, потом оголилась его широкая загорелая грудь, и мы закрутились на кровати, сплетаясь телами, упиваясь прикосновением кожи, прежде чем он снял мой лифчик, чтоб эффект стал полным. Он бесконечно долго наслаждался моими сосками, делая с ними все возможное и даже больше – руками, пальцами, губами, зубами, грудью, нежным языком... Только когда соски уже болели от возбуждения и влагилице горело и покрывалось смазкой под джинсами, он остановился ради очередного поцелуя и опустил руки на мой ремень.

Это не было похоже ни на один мой прежний секс. Все выходило очень далеко за границы моих представлений о возбуждении. Это сумасшедшая, животная потребность в его прикосновениях оказалась бы пугающей, если бы я нашла в себе силы остановиться и задуматься.

маться об этом. Но в моей голове не осталось мыслей, они все были недостижимо далеко, обреченные на смерть его крепкими объятиями, тяжелыми вздохами, непреодолимой силой желания.

Он расстегнул ремень и расстегнул пуговицы, его пальцы опускались все ниже, оставляя отпечатки на лобке. Теперь его поцелуи были скорее укусами, требовательными и пылкими. Мои бедра извивались, помогая ему снять джинсы. Стоя на коленях, он неистово сдернул их, так что заодно стащил до середины и мои трусы. Он снова оказался на мне, прижимаясь и пробираясь сквозь все более беспощадные поцелуи, потираясь об меня тазом.

Я чуть не сломала три ногтя, но, в конце концов, все-таки сняла с него джинсы. Оказавшись головой у его ног, в то время как мои ноги были у его лица, я почувствовала, что он окончательно снял с меня трусики. Твердый член давил мне на живот через боксеры, я терлась об него до тех пор, пока он, наконец, не выбрался из-под меня, развел мои ноги, его член слегка подталкивал мои обнаженные ягодицы, а крепкие руки лежали на моих плечах.

Именно в этот момент открылась дверь спальни.

– О, боже мой! – Джоди с рюкзаком на плече закрыла рот рукой.

Я заорала и спрятала голову под одеялом, пока Янош выкрикивал непонятные слова, преисполненные раздражения, как я догадывалась, на венгерском.

– Боже мой, Янош, я смотрю, ты времени не теряешь, а?

– Почему ты здесь? Ты поехала на Балатон с мужчиной, Руби сказала мне.

– Да уж, оказалось, что он – совсем не то. Черт возьми, Руби! Поверить не могу, что ты повелась на обаяние и акцент. Ты, такая благоразумная.

– Мы можем поговорить в другом месте? Одетые? – я закуталась в одеяло.

– Да, предоставляю вам такую возможность, – сказала она, положив рюкзак в углу. – Какой же ты гад, Янош, поверить не могу, что ты сделал это с моей подругой. Она сейчас уязвима!

– Вон! – заорал он, указывая на дверь.

Она вышла, сильно хлопнув дверью.

– Мне очень жаль, – сказал он.

Он отодвинулся от меня и сел на краю кровати, опустив голову на колени, словно стараясь не потерять сознание.

Я пыталась подобрать слова, вопросы, что угодно, но ничего бы не прояснилось. От четкого понимания того, где я, я перешла к полному незнанию.

– Может, это к лучшему, – сказала я наконец, но мои слова прозвучали совсем неубедительно.

– Это все непросто для меня. Для нас обоих.

– Трахаться просто.

– Ах, да.

– Разумеется, этим все ограничивалось. А как же еще?

Он потянулся ко мне, но я уклонилась от него, руками закрывая грудь. Все мое тело ощущало холод.

– Что ж, спасибо, что побыл хорошим другом, пока не было Джоди. Думаю, это, в общем, думаю, мы не можем...

Он уставился на меня. Он казался злым, возможно, уязвленным.

– Точно, – сказал он, вставая и надевая джинсы. – Рад помочь.

Его голос звучал сардонически. Онемев, я смотрела, как он надевает джинсы, потом свитер.

– Слушай, я не имела в виду, что это некрасиво... я не имела в виду...

– Ты не знаешь, что ты имела в виду. Ты не знаешь, чего ты хочешь. Ты не знаешь, как жить. Вот что я тебе скажу. Когда узнаешь, позвони мне, ладно?

Все еще босиком, с взъерошенными волосами, он восхитительно и плавно вышел из комнаты и еще громче, чем Джоди, хлопнул дверью.

Я упала на кровать и расплакалась.

Когда вошла Джоди с чашкой чая, она нашла меня с ужасной головной болью, красными от слез глазами и измученной.

– Ох, подруга, – с грустью сказала она. – Он подонок. Успокойся. Вот настоящий английский чай; на Балатоне есть один магазинчик, где его продают.

– Ты правда так думаешь? – спросила я, всхлипывая, с трудом усаживаясь и беря чашку. – О Яноше.

– Он игрок, дорогая. Известный на весь Будапешт.

– Но ведь он все равно тебе немного нравится. Ты с ним встречалась.

– Он спортивный. Нет оснований выкидывать его из постели посреди пустыни. На безрыбье... не так ли?

– Но ты не была к нему привязана?

– О, боже, нет. Ох, Руби. Ты сейчас такая уязвимая. Он этим воспользовался. Черт, я должна была тебя предупредить. Я должна была предвидеть, что так случится. Но это так на тебя не похоже. Думаю, ты сейчас просто сама не своя после расставания с Дейвом.

– Итак, – сказала я, чуть окрепнув, после того как чай согрел мой желудок, – как ты поняла, что я не искала просто траха без обязательств?

Джоди аж рот раскрыла от удивления.

– Руби! Не думаю, что когда-либо мне доводилось слышать от тебя это слово, не говоря уж о том, чтобы ты это делала.

– Если я не люблю болтать о личном, это еще не значит, что меня не интересует секс.

– Правда?

– Ладно, до недавних пор так и было. Может, и сейчас тоже. Но, возможно, мне пора измениться. Может, мне нужна встряска. Я хочу сойти с мертвой точки, Джо. Думаю, Янош мог бы мне в этом помочь независимо от того, хочет ли он отношений.

– Ты серьезно?

– Да. Да, я серьезно. Я хочу, хочу трахнуть Яноша. Думаю, это пойдет мне на пользу. Взбодрит меня. Разве это неправильно или плохо?

– Конечно, нет, – она уставилась на меня, качая головой. – Черт. Извини, что я испугнула его. Я и впрямь подумала, что он собирается... разобьет тебе сердце.

– Этого точно не будет, – сказала я беспечно, хотя и понимала, что это не совсем так. – Это просто забавно. Я имею право веселиться, теперь, когда разошлась с Дейвом.

– Правильно, крошка. Если уж Большой Ян что-то и умеет, так это веселиться.

– Так что, возможно, я ему позвоню.

– Ладно, только сначала я расскажу тебе, что случилось на Балатоне! Потом мне нужно, чтобы ты сходила со мной на Вацы и помогла найти новую сумку. Янош подождет. Он точно на тебя запал.

– Ты так думаешь? – я засветилась.

– Я это знаю. Давай уже, умывайся и пошли.

Глава 5

Грустить рядом с Джоди невозможно – мы прекрасно провели время за сплетнями, покупками и хождениями по кафе и барам в самых фешенебельных районах Будапешта. Единственное, что омрачало мой день – это то, что я не могла дозвониться до Яноша. Каждый раз, когда я набирала его номер, мой звонок незамедлительно переходил в голосовую почту, по крайней мере я решила, что это голосовая почта – механический женский голос говорил по-венгерски после гудка.

– Привет, Янош. Это я, мне жаль, что так случилось, пожалуйста, мы можем поговорить?

Видимо, нет.

Джоди изо всех сил старалась найти в Венгрии то, что заставит меня забыть о Яноше, но меня ничто не интересовало. Ее попытки склонить меня к сексу вчетвером привели к тому, что я просто ушла из бара, уверенно направившись в кровать и заранее зная, что Джоди проведет эту ночь в квартире очередного мужчины.

К утру она все еще не вернулась, но прислала SMS: у нее все хорошо, мы скоро увидимся. Я лежу в кровати, рассматривая потолок и думая о Яноше.

Он был прямо здесь, в этой постели, со мной, и мы были так близко... Что было бы, если б не вошла Джоди?

Я положила руку на внутреннюю сторону бедра, представляя там сильную загорелую руку Яноша, сводящие меня с ума усы на набухшем клиторе. Кто из нас был бы сверху? Двигался бы он медленно и нежно или быстро и неистово? Где были бы его пальцы, губы и руки? Кончила бы я один раз, два или больше? Что он говорит, когда кончает? О, боже, я хотела знать, больше всего на свете я хотела видеть, как он закатывает глаза и как напряжено его лицо, когда он доводит меня до оргазма. Я хотела этого больше всего на свете.

Я ласкала клитор, думая о том, как он берет меня у стены или в душе, на подоконнике, на балконе...

Я ни за что не позволю, чтобы все так закончилось.

Но, пока я варила кофе в домашнем халате с мокрым полотенцем на голове, я не могла до него дозвониться. Как же тогда все устроить?

Я изо всех сил напрягала память, вспоминая, где, по его словам, они нашли место для керта. Что-то типа Брошутыска? Я внимательно изучала карту Джоди, пытаюсь найти это место. Это была нехорошая зона – Восьмой район? Ага, вот он район VIII, на юго-востоке, тут недалеко.

Более детальное изучение местности на карте позволило мне определить наиболее вероятное местонахождение Барош, длинной улицы, тянущейся от Национального музея на западе до какой-то сортировочной станции на востоке. Туда совсем недалеко, даже на трамвае не придется ехать, мне нужно было только перейти Йожеф кёрут и идти прямо, пока не дойду до улицы Барош.

Это просто.

В приподнятом настроении я оделась, осмелившись выбрать коническую юбку до середины бедра, которую я когда-то посчитала чересчур откровенной для меня – это был подарок Джоди с эспадрильями и лоскутным топом. С уложенными волосами, в солнечных очках я уже мало походила на лондонскую Руби. Я стала совсем другой – венгерской крошкой, ищущей приключений.

На улице было тепло и влажно. Приятно, что в этот раз у меня не было похмелья. Выхлопные газы и запахи города сгущались в смог, пока я шла по широкому бульвару, разделявшему неблагополучную и благополучную зоны.

Зазвонил телефон. Джоди.

– Эй, как утро проходит?

– Я ищу Яноша.

– Серьезно? Ищешь его? Где?

– Я знаю, что он смотрит место для открытия бизнеса на улице Барош. Посмотрим, получится ли у меня подкараулить его там, его телефон постоянно отправляет меня в головную почту.

– Барош? Черт, ты в Йожефвароше?

– В чем?

– Это местное название Восьмого. Восьмого района. Ты там? Одна?

– Я на Йожеф кёрут. Что-то не так? У тебя странный голос.

– Не думаю, что тебе следует искать его там. Это не лучшее место, чтобы шастать одной.

– Я могу о себе позаботиться. Я из Лондона.

– Да знаю, знаю. Не смотри никому в глаза и избегай больших компаний. Хотя... лучше просто не ходи туда. Возвращайся домой.

– Блин, Джоди...

– Черт, на кой ему понадобилось покупать что-то на улице Барош! Туда никто не пойдет. Вот придурок.

– Джоди, я в порядке.

– Спрячь телефон хотя бы. Ты так и напрашиваешься, чтобы тебя ограбили.

Я убрала телефон в сумку, теперь мне стало жутковато. Она сказала это вслух, теперь я видела, что многоэтажные дома содержались хуже, чем в других частях города. Люди там попадались разные, но в большинстве неопрятные. Улицы, уходившие влево, выглядели заброшенными и грязными, граффити на стенах и заколоченных окнах. Должно быть, Барош – одна из них. О чем думал Янош? Район и впрямь малопривлекателен.

Но еще совсем светло, не время для криминала. Все неприятные типы непременно отсыпятся после излишеств ночи. Я сделала глубокий вдох, сохраняя холодный рассудок, и продолжила идти вниз по улице.

Интересно посмотреть изнанку города, получить более объемную картину. До этого момента он не удивлял меня этническим разнообразием, а здесь встречались китайцы и люди с более темной кожей, похожие на цыганских музыкантов из бара.

Улица Барош показалась намного позже, чем я ожидала. Так, вот и она. Я повернула налево, в бандитскую зону, если верить Джоди. Глупая Джоди, вечно драматизирует. Однако я вынуждена была признать, что это место походило на руины больше любого увиденного мной сегодня. Некогда красивое здание окончательно обветшало, каменная кладка раскрылась над дверным проемом, окно покосилось. Стены первого этажа были спрятаны под толстым слоем граффити.

На соседней улице я заметила уродливую сталинскую многоэтажку, вонзившуюся между полуразрушенными фасадами XIX века. Старик курил, сидя на крыльце, он проводил меня взглядом. Я начинала осознавать, что, возможно, совершаю ошибку.

Через огромную арку в стене одного особенно ветхого дома мне было видно внутренний двор. Он был полуразрушенный, дома с объединенными балконами давно пустовали. Посреди двора возвышалась груда развалин с пластиковыми игрушками и стиральной машиной. Изнутри доносились громкие венгерские мужские голоса. Один из них принадлежал Яношу.

Меня чуть не стошнило от облегчения, когда я прошла через арку и увидела, как Янош оживленно разговаривает с мужчинами в строительных жилетах и касках.

Его вид заставил меня улыбнуться. Я не смогла сдержать улыбку, несмотря на то, что невероятно нервничала и не знала, захочет ли он хотя бы заговорить со мной.

Он развернулся вполоборота, словно почувствовав мое присутствие, и встал как вкопанный. Потом наскоро пожал руки собеседникам и поспешил ко мне. Он не выглядел счастливым.

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Мне нужно было увидеть тебя.

– Это не то место, где тебе можно гулять одной. Какого черта, Руби. Это плохое место для туриста.

– Я сюда пришла не достопримечательностями любоваться, а чтобы тебя увидеть.

– Хорошо, сейчас ты меня видишь!

– Мне уйти?

Уязвленная, я отвернулась. Он схватил меня за локоть, крепко и с силой рванул в угол внутреннего двора.

– Стой здесь, пока я не закончу переговоры, поняла? Не двигайся.

Он ткнул меня пальцем в грудь, чтобы подчеркнуть важность своих слов, и вернулся к собеседникам.

Итак, вот она я. В углу. Я чувствовала себя в какой-то опасности.

Безусловно, Янош не проявил гостеприимства. Вокруг только кирпичная кладка цвета желтухи и черные пятна в тех местах, где она обвалилась – я осмотрелась и вздохнула. Мне следовало просто вычеркнуть неудачный курортный роман. Я была не из тех, кто крутит романы в поездках.

Мужчины в светящихся жилетах ушли минут через десять. Янош наговорил им вслед каких-то любезностей и повернулся ко мне. Под усами его губы были сейчас одной холодной прямой линией.

– Итак... – сказал он.

– Итак?

– Ты здесь.

– Ты слишком быстро ушел вчера.

– Ты попрощалась, зачем мне было оставаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.